

И.КАНТ «ИДЕЯ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ВО ВСЕМИРНО-ГРАЖДАНСКОМ ПЛАНЕ»

В.Г.Семенов

доцент кафедры философии

Национального технического университета Украины

«Киевский политехнический институт»

В статье осмысливается отношение И.Канта к проблемам историзма; выделяются две версии философии истории ученого; предполагается, что именно мыслителя из Кенигсберга следует признавать родоначальником этой отрасли философской науки.

Ключевые слова: историзм, кантовская философия истории.

Историзм и философия Канта – проблема и архисложная, и архиважная. Во-первых, кенигсбергский мудрец жил в революционную эпоху, эпоху на разломе феодальной и буржуазной цивилизаций, когда рушились вековые устои, и озарялась грандиозная перспектива новой многообещающей жизни. Во-вторых, Кант был создателем величественной философской системы, исторически первой, в объединяющем эпицентре которой находился человек, одновременно принадлежащий к двум мирам: миру природы и миру свободы. Немецкий мыслитель был сыном своего времени и одновременно на столетия опережал его. Время показало, что второе начало значительно превысило первое. Малейших же оснований для того, что эта пропорция изменится, не наблюдается и даже не предполагается. Кант был великим систематизатором, который скрупулезно придерживался незыблемых принципов построения своей «критической» философии. Чего только стоило ему подведение под свою этику («Критика практического разума», 1788) и телеологию («Критика способности суждения», 1790) единых гносеологических правил, разработанных и реализованных в «Критике чистого разума» (1781). Но одновременно он был и явным системоотступником, позволяющим себе за границами трех «Критик», в так называемых «небольших» сочинениях, писать раскованно, оригинально стилистически с элементами фантазии, гипотетичности, полемичности и другими достоинствами научно-писательского дела.

В СССР философию Канта критиковали за антиисторизм и прежде всего за наличие в нем «априоризма». В принципе, это справедливо. Но критика кантовского априоризма может быть как огульно субъективно обвинительной, так и умеренно объективно оправдательной. Первое преобладало в советском кантоведении, а вот второе в нем отсутство-

вало. В той же «Критике чистого разума» Кант стремился быть предельно дискурсивным. Если не понимал, как на уровне чувственности образуются «суждения восприятия», то постулировал ее формы «*a priori*»: «пространство» и «время», которые обеспечивают умственное построение геометрических фигур в пространстве и последовательность счета в арифметике и алгебре по канону времени. Все априорные «основоположения» чистого рассудочного познания-мышления у Канта являются результатом фиксации им фундаментальнейших гносеологических проблем, которые мыслитель счел более правильным однозначно зафиксировать, нежели поверхностно и неубедительно объяснить их происхождение. Кантовский априоризм следует классифицировать как кардинальный предисторизм, результаты которого буквально через несколько десятилетий выступили мощнейшими детонаторами и обширной программой бурного становления историчности на поприще философии. Эту же роль «*a priori*» Канта продолжает исполнять и по сей день.

Во времена преподавательско-исследовательской деятельности Канта дух историзма витал не только в духовной атмосфере развитых стран Западной Европы, но и в отсталой по сравнению с ними Германии. Идеологи и теоретики западноевропейских буржуазных революций (прежде всего английской и французской), учитывая уровень наличного состояния промышленности, торговли, культуры (уже планетарный по своей сути) создали величественную парадигму становления нового, «гражданского общества», повсеместно вытесняющего отживающий свой век сословно-корпоративный феодализм. Те же Дж.Локк и Ж.-Ж.Руссо буквально отчеканили общесоциологическую формулу нового добровольно создающегося объединения людей, в котором осуществляется полная взаимодополнительность «гражданина» и «политиче-

ского организма». Подспудно, да и явно, создавалась историко-познавательная ситуация: раз человек и социум могут быть совершенными на века, то этот общественный идеал может и должен стать мерилем всей транс-исторической цепи «прошлое–настоящее–будущее». Под непосредственным влиянием Руссо и в силу своего новаторского мировоззрения Кант незамедлительно примкнул к первооткрывателям гражданского общества. Его «категорический императив» и «трансцендентальное определение права» стали, соответственно, нравственной и правовой формулами гражданского общества. Кантовский же трансцендентализм следует признать таким же значимым и кардинальным образцом предисторизма, как и его априоризм.

Своеобразная приверженность Канта к истории проявилась еще в «докритическом» его сочинении «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755). Здесь содержатся некоторые примечательные идеи, которые влияли на философа на протяжении всей его жизни. Две из них: 1. «Всеобщая». Кант, вслед за Г.Лейбницем, считал, что основоположными критериями теоретичности (научности) являются всеобщность и необходимость. Классическая механика И.Кеплера–И.Ньютона на своем уровне вполне соответствовала таким требованиям. Кант это понимал, с этим соглашался и взялся за написание «всеобщего» учения о небе. Ученый не знал, «где взялась материя». Он не выдвигал никаких предположений по этому поводу, теологически включительно, и лишь искренне вопрошал: «Дайте мне материю, и я вам построю...» И описал образование планет солнечной системы из разреженной туманности в рамках космологического подхода, не касаясь проблем появления жизни на Земле. 2. «История и теория». Для воспроизведения духа кантовского мышления необходимо эти слова из заглавия рассматриваемого произведения поменять местами: «теория и история». Для открытия законов кеплеровско-ньютоновской механики исторический подход был не нужен. Грандиознейшие же успехи и авторитет этой части физики в те времена создавали иллюзию, что и другие науки вполне могут возникать и совершенствоваться без собственной исторической составляющей. Кант в то время разделял такую ошибочную точку зрения и с определенными трудностями преодолевал ее на протяжении всего «критического периода» своего творчества.

Первой собственно философско-исторической работой Канта стала его большая статья «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1784). В это время мыслитель уже «переключается» с исследования

теоретико-познавательной проблематики на этику. Им тогда непосредственно писались «Основания метафизики нравственности» (1785) и, понятно же, закладывался фундамент основного произведения в этой области – «Критики практического разума». Кантовская философская система тогда находилась на стадии формирования, многие ее проблемы пока не имели своего разрешения, что и сказалось на содержании «Идеи всеобщей истории ...». Само название этой статьи – интригующе завораживающее. Оно обещает только «идею» (которая в кантовском учении обеспечивает исключительность «регулятивность» и никак не «конститутивность»), но зато идею «всемирной истории», да еще и «во всемирно-гражданском плане». Такая постановка проблемы на то время не только не совмещалась с содержанием «Критики чистого разума» (там та же социальная по своей сути «психологическая идея» объявлялась иллюзией, а «теоретической психологии» отказывалось в праве быть наукой), но и не давала никакой гарантии, что такой подход к истории не будет противоречить будущей этике и телеологии Канта. И вот какое многозначительное примечание счел необходимым присовокупить к названию своей статьи немецкий гений: «Излюбленная идея господина профессора Канта заключается в том, что конечная цель человеческого рода – достижение наилучшего государственного устройства, и он желает, чтобы какой-нибудь философски мыслящий историк предпринял попытку создать в этом плане историю человечества и показать, насколько человечество в различные периоды приближалось к этой конечной цели или удалялось от нее и что следует делать для достижения ее» [1, 657].

Во вводной части анализируемой статьи Кант обосновывает свое исследовательское кредо относительно философского историзма. Оно специфично и оправдано лишь для времени написания «Идеи всеобщей истории ...». Вот как ученый наметил подходы к своей первой версии философии истории: «Какое бы понятие мы ни составили себе с метафизической точки зрения о *свободе воли*, необходимо, однако, признать, что *проявления воли*, человеческие поступки, подобно всякому другому явлению природы определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих проявлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли в *совокупности*, то могла бы открыть ее закономерный ход...» [1, 7]. По Канту, закономерный ход природы истории осуществляется «неизменно поступательно», хотя и медленно, через «весь род

человеческий» и представляет собой развитие «первичных задатков людей» в русле устремления их «к неведомой им цели природы». Здесь же автор отмечает, что современные люди действуют и «не чисто инстинктивно», но и далеко не как «разумные граждане мира» по «согласованному плану». Человеческий образ действий на «великой мировой арене», по кантовской оценке, при всей его «мнимой мудрости» в значительной мере «соткан» из «глупости, ребяческого тщеславия, а нередко и из ребяческой злобы и страсти к разрушению». Но все же Кант считает возможным для философов составлять вразумительные «понятия о нашем роде», т.е. пояснять «историю согласно определенному плану природы», что он и обещает сделать далее в своей статье [1, 7-8].

После только что изложенного уместно предметно высказаться о проблеме соотношения в человеке природы и свободы как в кантовской «Идее всеобщей истории ...», так и обозначить ее интенции в более поздних сочинениях ученого. Кант понимал, что человек – от Бога является прежде всего природным существом с определенными задатками, которые у разных людей, в разные времена совершенствуются в самых различных измерениях. Так, немецкий мыслитель считал, что человек наделен тремя основными способностями души («способность познания», «способность желания», «способность получать чувство удовольствия и неудовольствия») и тремя основными познавательными способностями («чувственность», «рассудок» и «разум»). От времени грехопадения до годов жизни Канта все эти способности усовершенствовались до неузнаваемости, и всем мыслящим людям было понятно: перспективы их дальнейшего развития – несомненно значительны. Тот же рассудок-разум на определенном этапе эволюции человека «подсказал» ему, что необходимо трудиться, соблюдать правила общежития и все остальное из наличных человеческих достоинств. По такой же схеме можно объяснять и появление феномена свободы воли. Но возможен и другой подход к рассматриваемой проблематике: объявить свободное волеизъявление людей делом принципиально отличным от природы (конечно же, в кантовском разумении) и искать способы их связи, взаимодополнительности и даже синтеза. В творчестве Канта наличествуют оба эти подхода. Первый реализуется в его «Идее всеобщей истории ...», второй начинается с «Оснований метафизики нравственности» и по нарастающей углубляется вплоть до «Антропологии с прагматической точки зрения» (1798). В последнем произведении, названном Кантом в рабочем варианте

«Человековедением», предпринималась грандиозная попытка выяснить: что «делает из человека природа», а что он как свободно действующее существо делает или может, или должен «делать из себя сам».

Основная часть «Идеи всеобщей истории ...» состоит из девяти «положений» (каждое – из одного-двух абзацев различной величины), последовательность которых и воспроизводит концепцию кантовской философии истории образца 1784 года. Для большей ясности этого изыскания Канта указанные структурные компоненты есть смысл разделить на два условных блока (соответственно, 1–4 и 5–9).

Заглавная формулировка первого положения этой кантовской статьи гласит: «Все природные задатки живого существа предназначены для совершенного и целесообразного развития». Подтверждение этому тезису Кант усматривал в том, что любой «орган» животного или человека, не имеющий «применения», противоречит «телеологическому учению о природе». Философы же без признания подобного применения имели бы дело не с «закономерной», а с «бесцельно действующей природой» [1, 8-9].

В опорном пункте следующей части «Идеи всеобщей истории ...» речь идет о том, что «природные задатки человека (как единственного разумного существа на земле), направленные на применение его разума, развиваются полностью не в индивидуе, а в роде». По Канту, разум – это способность человека «расширять за пределы природного инстинкта правила и цели приложения всех сил». Замыслам же его нет границ. Но природа установила индивиду «лишь краткий срок для его существования». Поэтому природе, заявляет философ, понадобился «необозримый ряд поколений», передающий последовательно друг другу «свое просвещение», дабы довести разумные задатки человеческого рода до степени развития «его окончательных целей» [1, 9].

Сказанное дополняет третье положение этой статьи с таким акцентированным началом: «Природа хотела, чтобы человек все то, что находится за пределами механического устройства его животного существования, всецело произвел из себя и заслужил только то счастье или совершенство, которое он сам создает свободно от инстинкта, своим собственным разумом». Это вполне завершенное рассуждение ученый конкретизирует интересующими нас уточнениями: а) «природа не делает ничего лишнего»; б) «она дала человеку разум и основывающуюся на нем свободную волю» в качестве способностей, предназначенных к существованию; в) природа «скупо наделила людей животными каче-

ствами», чем «нацелила» их на «высшую потребность» возвыситься «от величайшей грубости» до «величайшей искусности», до «внутреннего совершенства образа мыслей» и создала возможность «благодаря этому достигнуть счастья» [1, 9-11].

Если в трех предшествовавших фрагментах своей «Идеи всеобщей истории ...» Кант разъяснял естество природных задатков субъектов истории (прежде всего разума людей), ее генетические параметры, то в четвертом положении он сосредотачивается на главной социальной причине человеческого прогресса. Сначала здесь программно написано, что «средство, каким природа пользуется для того, чтобы осуществить развитие всех задатков людей, это *антагонизм* их в обществе, поскольку он в конце концов становится причиной их законосообразного порядка», а затем добавляется, что под антагонизмом следует понимать «недоброжелательную общительность людей», связанную со всеобщим противоборством, «которое постоянно угрожает обществу разъединением». В кантовском понимании, человек, с одной стороны, склонен «общаться с себе подобными» (поскольку только так он оценивает и стимулирует развитие всех своих задатков), с другой же стороны, ему присуще «сильное стремление уединяться, изолироваться» (вызванное желанием все сообразовывать только со своим разумением). Последнее и порождает обоюдостороннее «сопротивление» людей, которое «пробуждает все силы человека» и стимулирует «истинные шаги людей от грубости к культуре», суть которой состоит в «общественной ценности человека» [1, 11-12].

Второй блок составляющих кантовской статьи начинается с более детального осмысления «высшей задачи природы для человеческого рода». Первое предложение «положения пятого» таково: «Величайшая проблема для рода человеческого, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение всеобщего правового *гражданского общества*». Эта задача-цель, по Канту, может осуществляться только в таком обществе, где его членам предоставляется «величайшая свобода» (стало быть, существует «полный антагонизм»), совмещающаяся «со свободой всех других». Именно в таком обществе «максимальная свобода» сочетается с кажущимся «непреодолимым принуждением». В самом же конце этого содержательнейшего абзаца мыслитель констатирует: «Вся культура и искусство, украшающие человечество, самое лучшее общественное устройство – все это плоды необщительности, которая в силу собственной природы сама заставляет дисциплинировать себя и тем самым посредством вы-

нужденного искусства полностью развивать природные задатки» [1, 12-13].

«Эта проблема самая трудная и позднее всех решается человеческим родом», – заявляется в следующем, шестом, положении, являющемся непосредственным продолжением предшествующего. Суть обозначенной проблематичности состоит в том, что человек («животное», живущее среди других людей) «нуждается в господине». Кант замечает, что прежде всего индивид «обязательно злоупотребляет» своей свободой в отношении близких, и хотя он как разумное существо желает «иметь закон», определяющий «границы свободы для всех», его «корыстолюбивая животная склонность» в нужных для него случаях делает для самого себя «исключение». Отсюда утверждение мыслителя: человек нуждается в господине, который «сломил» бы его собственную волю и заставил бы его повиноваться «общепризнанной воле». Господином в человеческом роде может быть только человек. Но этот господин также есть животное, нуждающееся в господине. Кант в то время был убежден, что найти «главу публичной справедливости» («одного или сообщества многих») невозможно, поскольку над господином-правителем нет никого, кто распорядился бы уже им самим «в соответствии с законами». Самой трудной, по мнению философа, эта проблематика является еще и потому, что пока нет «правильного понятия о природе возможного государственного устройства» [1, 14-15].

Положение седьмое. Начало: «Проблема создания совершенного гражданского устройства зависит от проблемы установления законосообразных *внешних отношений между государствами* и без разрешения этой последней не может быть решена». Большинство задач международных отношений Кант разрешает по аналогии с принципами устройства отдельно взятой гражданско-правовой страны, но не все. Прежде всего он заявляет, что та же «необщительность», которая заставляла объединяться людей в границах одного «общественного организма» послужила причиной необходимости налаживания взаимоприемлемых связей между государствами. Далее, по Канту, следует признать «неуживчивость» людей, их межличностный «антагонизм» прототипами конфронтации и разрушительных войн, опустошающих и страны, и целые регионы. Желание найти «состояние покоя и безопасности» также общи и отдельным индивидам, и государственным образованиям. Печальный же опыт и ищущий разум способны «подсказывать» народам пути выхода из состояния «дикости» в направлении возникновения «союза народов», чему действи-

тельно способствуют и «наилучшие внутренние системы государственных устройств», и «международное законодательство». И все же в этой части «Идеи всеобщей истории ...» после ряда сомнений автор склоняется к оптимистическому заключению. Он утверждает, что неисчислимые бедствия на протяжении всей человеческой истории «заставят наш род найти закон равновесия для самого по себе благотворного столкновения между соседними государствами, вызываемого их свободой, создать объединенную власть для придания этому закону силы, стало быть, создать всемирно-гражданское состояние публичной государственной безопасности» [1, 15-18].

Сам Кант уверяет своих читателей в том, что восьмое положение его статьи «вытекает из предыдущего». В этой части философ излагает шесть позиций в пользу подтверждения своего варианта философии истории. 1. Философия способна продуцировать идею развития рода человеческого, которая может, «хотя и весьма отдаленно», выяснять закономерности всеобщей истории. Жизненность же этой идеи связана с тем, «открывает ли опыт что-нибудь о таком исполнении цели природы». 2. На то время содействие такого опыта было незначительным, ибо человечество в своем совершенствовании прошло лишь «малую часть» своего пути, на основании которой «нельзя вполне уверенно составить ... представление обо всем пути и об отношении частей к целому». 3. Ученые (прежде всего философы) посредством «собственного разумного устройства» уже сами заинтересовались сильно приближать наступление этого «столь радостного для наших потомков состояния». Поэтому для них самих «весьма важными становились даже слабые признаки его приближения». 4. В то время отношения между государствами уже были «настолько сложны», что их «внутренняя культура» обозримо зависела от культуры соседей. «Гражданская свобода» обуславливалась всеми «отраслями хозяйства». «Всеобщая свобода вероисповедания» все более «расширялась». 5. Все больше внутренних и внешних чинников способствовали возникновению и росту «просвещения», этого «великого блага», по нарастающей стимулируемого «корыстолюбием» правителей в их стремлениях к господству. 6. Войны того времени уже в значительной мере становились «искусственными», по своему исходу для сторон «сомнительными», порождающими опаснейшее «бремя долгов», на многие годы сковывающее жизнь людей, промышленность и культуру в целом. «И все это, – подытоживает Кант, – вселяет в нас надежду, что после некоторых преобразовательных революций осуществится наконец то,

что природа наметила своей целью, а именно, всеобщее *всемирно-гражданское состояние*, как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода» [1, 18-21].

В последней части своей статьи Кант выясняет ряд проблем взаимозависимости философии истории и истории (но не только всемирной). Личностное отношение к данной проблематике он выразил такими словами: «Предположение, что этой идеей мировой истории, имеющей некоторым образом априорную путеводную нить, хотел заменить разработку чисто *эмпирической* составляемой истории в собственном смысле слова, было бы неверным истолкованием моего намерения». Философ ни в коей мере не противопоставляет историю и философию истории, а считает, что они (конечно же, начиная с его версии философии всемирной истории) непременно и постоянно должны находиться в состоянии взаимодополнительности. Развитие общества без «разумного подхода» к его истории представляется мыслителю «беспорядочным *агрегатом* человеческих поступков»; задача же ученых, по крайней мере, обобщенно и в целом, представить этот процесс «как систему». Но подобная система состоит из частей, исторических периодов. А эти периоды, да еще в разных регионах планеты, изучены очень неравномерно. Кант похвально оценивает источниковедческое состояние «греческой истории», которая, ко всему, еще и изобилует знаниями о многом, что собственно ей предшествовало. Знания о последующих эпохах он также считает удовлетворительными, но лишь только относительно «нашей части света», «которая, вероятно, со временем станет законодательницей для всех других народов». С нескрываемым удовольствием ученый высказывается о «похвальной в общем обстоятельности, с которой пишут теперь современную историю», что позволит в дальнейшем «философским умам» (они должны «быть сведущими в истории») преуспевать в деле совершенствования философии всемирной истории. Заключение девятого положения, как и предшествующих, оптимистично: «Попытка философов разработать всемирную историю согласно плану природы, направленному на современное гражданское объединение человеческого рода, должна рассматриваться как возможная и даже как содействующая этой цели природы» [1, 21-23].

Специфически кантовскую «Идею всеобщей истории ...» дополняет его «Рецензия на книгу И.Г.Гердера “Идеи философии истории человечества”» (1785). Кант высоко ценил творчество своего коллеги за основательную образованность, остроумие, красноречивость,

проявившиеся в книгах, вышедших до этого из-под его пера. К двум же первым частям объемного гердеровского труда по философии истории человечества отношение Кенигсбергского мудреца по-преимуществу критическое. В своем сочинении Гердер попытался раскрыть переход от неорганической природы к живым существам, растениям, животным и, наконец, человеку, в котором совершеннейшим образом соединены все вещества природы, все ее силы и потенции. Конечно же, такой замысел был заманчивым, а вот его воплощение в «Идеях философии истории человечества» страдало слабой доказательностью и довольно часто даже фантазерством. По поводу основоположной гердеровской идеи генезиса всего сущего из «таинственных сил» Кант задается вопросом: «...Что можно вообще думать о генезисе относительно невидимых сил, стало быть, о замысле, и объяснить то, чего мы не понимаем, из того, что мы понимаем еще меньше?» Ответ вопрошателя – и предвидимый и однозначный: «Он (Гердер – В.С.) может лишь отчаяться в поисках объяснения какого-нибудь знания о природе и начать искать вынужденное решение в плодотворной сфере воображения». Кантовская требовательность к основательности, доказательности, аргументированности знаний в области философии истории (да и всей всемирной истории) – главный мотив этой его «Рецензии...». Здесь он через обращение к Гердеру формирует целый комплекс заданий к «философии истории». По Канту, философия должна «направлять автора в дальнейших его трудах не указаниями, а определенными понятиями, не предполагаемыми, а установленными наблюдением законами, не воображением, окрыленным ... чувствами, а широким в замыслах, но осмотрительным в применении разумом» [3, 49-51].

Этапной в деле совершенствования идей философии всемирной истории Кантом является его небольшого объема работа «Предполагаемое начало человеческой истории», опубликованная в январе 1786 года. Первоначально при ознакомлении с ее содержанием создается впечатление, что собственные высокие критические требования, предъявленные к «Идеям философии истории человечества» Гердера, побудили Канта начать всыскательнее относиться к своим собственным непрекращающимся изысканиям по философским вопросам историзма. Но подобное впечатление ошибочно. Главной причиной кантовских серьезнейших философско-исторических обновлений стали результаты, полученные им в «Основаниях метафизики нравственности», где были обоснованы (обнаружены) нравственные принципы всечелове-

ского действия – априорный, один-единственный категорический императив в его трех модификациях-формулировках, которые рельефно обнажили способы и параметры реализации по-настоящему доскональной человеческой свободы. Кантовская, так сказать, эволюционно однолинейная модель историзма была неспособна принципиально отличить философию истории человеческой природы от уже сущностно углубленной философии истории человеческой свободы воли. Последняя уже предстала не просто как высшая фаза относительно предшествующей, а как учение, возвеличивающее человека до непревзойденности относительно всех иных сторон его жизнедеятельности.

Прежде всего в упоминавшемся трактате 1786 года Кант высказывается о возможностях выяснения начала человеческого рода. Он считает, что если предположительно можно воссоздать «вполне верную путеводную нить» развития человечества, то позволительно и ретроспективно промыслить само его начало, хотя такое занятие и является довольно рискованным. В своих размышлениях по данной проблематике философ «заручается» авторитетом «священного документа», в частности, 1-ой книгой Моисеевой. Дабы «не затеряться» в массе предположений. Кант начинает осмысление начала истории со «зрелого возраста» человека (а не с его «совершенной дикости»), уже лишенного «материнского ухода». Такой человек (конечно же, развитый по-минимуму) уже жил в «одной-единственной паре», он умел стоять и ходить, говорить, а, следовательно, мыслить, и все это было обусловлено инстинктом, этим «глазом Божьим». Человеческое начало, по Канту, было переходом «от подчинения инстинкту к руководству разумом». Этот последний более всего повлиял на появление соперничества и даже враждебности между людьми. Он же образовал зародыши стремления к равенству между «разумными существами» и даже начал пробуждать в них «рассудочное ожидание будущего».

Изложенное выше представляет собой только нижний пласт начала и первых этапов истории в философском ее истолковании. Над ним уже напластовывается цепь кантовских размышлений нравственного толка. В этом новом ракурсе Кант ключевую трансформацию начала представляет уже как «переход из опеки природы в состояние свободы», а несколько погодя разъясняет, что «история природы ... начинается с добра, ибо она *произведение* Божье; история свободы – со зла, ибо она *дело рук человеческих*». В другом месте этих текстов мыслитель всю историю человечества, уже как историю совер-

шенствования свободы воли, по сути дела делит на две части: «...История первоначального развития свободы из первоначальных задатков, содержащихся в человеческой природе, является чем-то совершенно другим, чем история свободы в ее проявлениях, которая может быть основана только на фактических данных». Ко всему, еще в разделе «Замечание» работы «Предполагаемое начало человеческой истории» из фрагментов «прочитывается» кардинальная мысль о том, что «стремление человечества к своему назначению», «шестивие к совершенству», «гражданской зрелости» совпадают с достижением им самим «самодостаточной свободы». То есть именно свободное волеизъявление всех людей и является «конечной целью нравственного назначения человеческого рода» [2, 51, 50, 43, 53].

Задумавшись. Получается, что у Канта в этом последнем произведении обновленная концепция философии истории не только состоит из двух частей, но здесь вообще начертаны эскизы двух отдельных версий истории в философском осмыслении. Такое суждение вполне позволительно, поскольку новых знаний, относящихся к проблематике философии истории природы по сравнению с 1784 годом (если не учитывать обобщающих сентенций Гердера как предмета для дискуссионных размышлений) не появилось, а кантовская этика на то время еще не была способна создать цельный и достаточно масштабный план генезиса человеческой нравственности, пригодный для обновления убедительного образца философии истории свободы. Очевидно, в начале 1786 года Кант был не готов ни убедительно сопоставить, ни убедительно пояснить основоположные взаимосвязи между попранием природы и попранием свободы. Но самым затруднительным для ученого в то время была проблема взаимной детерминации и субординации начала природного и начала свободного в человеке. К убеждению же о примате практического разума над разумом теоретическим Кант окончательно пришел уже после написания и публикации всех трех «Критик». Основной трудностью такого решения было то, что глубоко верующему мыслителю пришлось, по сути дела, поставить природу (включительно природу человека), это величественное творение всемогущего и всемогущего Господа, по рангу совершенств ниже свободы человека, поскольку она по своей сути настолько самосознательно-самодостаточна, что является по преимуществу достоянием человека.

Помимо рассмотренных выше у Канта не было других работ, специально посвященных тематике философии истории. Но возникает

риторический вопрос: а могли ли они вообще быть? Не могли. Свою грандиозную систему Кант завершил в 1790 году «Критикой способности суждения». За пределами этой системы оставалось достаточно много крупных философских проблем, по сути которых мыслитель, ну прямо-таки, обязан был высказаться с позиций своего «критического» учения. Их осмысление могло бы существенно способствовать созданию более зрелого философско-исторического сочинения. Например. В своих двух крупных работах по этике Кант совершенно не занимался теоретическими вопросами права, без изучения которых многое, относящееся к философии истории свободы, провисало в воздухе. Ликвидируя этот пробел, ученый пишет «Метафизику нравов в двух частях» (1797), где второй, собственно этической части, предшествует первая, являющаяся вполне успешным образцом философии права. Еще пример. Никакая философия истории невозможна без глубокого осмысления роли религии в развитии человечества. Во всех трех «Критиках» религиозно-философским проблемам уделялось совсем мало внимания. Восполняет этот недостаток Кант основательной работой «Религия в пределах только разума» (1793). Мы уже ссылались на последнее кантовское сочинение, вышедшее под его собственной редакцией «Антропология с практической точки зрения» (1798). Канту в то время было уже 74 года, и силы все больше и больше покидали его. Мыслитель просто физически не успевал написать полноценную итоговую философию истории. Конечно же, имелись и веские причины познавательно-методологического толка, в связи с которыми не появилось на свет зрелое философско-историческое учение Канта.

Эта статья не претендует на полное исследование рассматриваемой проблемы. Да, написать работу по имеющейся у Канта идее философии истории было необходимо, поскольку в отечественном кантоведении такое изучение еще не имело места. Но не менее важным по сравнению с аналитическим освещением данной идеи является обнаружение научных уроков и перспектив из всего того, что содержится в кантовских «Идее всеобщей истории ...» и «Предполагаемом начале человеческой истории». В своей статье автор стремился не пропустить ничего важного в этих трудах Канта, точно фиксировать все положения и понятия (несколько даже злоупотребляя цитированиями и «закавычиванием»), а самое важное, излагать содержание так, чтобы его составляющие (да и все в целом) вызвали интерес к продолжению работы над этой и смежными с ней проблемами. Последующую работу по осмыслению идеи

философии истории Канта следует осуществлять и в ракурсе влияния ее на все без исключения главные творения мыслителя, и в плане вплетения сего кантовского достояния в контекст мирового историко-философского процесса. Первое должно проходить по схеме: философия истории Канта и его гносеология; она же и его этика; она же и его эстетика и т.д. Второе же предполагает сравнение кантовской версии философии истории с подобными учениями того же Гердера, Г.В.Ф.Гегеля, К.Маркса и др. И только после такого титанического штудирования станет возможным моделирование панорамной картины кантовской философии истории, которая бы соответствовала истинным возможностям богатейшего теоретического наследия гения из Кенигсберга.

В качестве дополнения к этой статье уместно высказаться и по проблеме родоначальника философии истории. Что необходимо сделать, чтобы таковым быть, и при каких обстоятельствах происходит признание родоначальничества? Несколько повторюсь, уточню и поразмышляю. 1. Кант был автором классической философской системы (его справедливо называют гением среди гениев). Без собственного же мощного философского учения никаким основоположником той же философии истории не становятся. 2. Автор «критической» философии был энциклопедически образованным ученым (в сфере истории включительно) с уникальными качествами

тщательной аналитичности, масштабной систематизации, умелой и корректной полемичности, мудрого предвидения. Все это позволяло ему восполнять пробелы в различных отраслях наук, которые препятствовали сквозному видению различных сторон исторического процесса. 3. У Канта было поэтапное видение («план») всего развития истории, с вразумительным истолкованием ее начала и даже возможного ее конца («Конец всего сущего», 1794). Мыслитель имел свое собственное достаточно зрелое понимание значения философии истории для исторической науки, как и наоборот. 4. То, что ученый мало написал по проблематике философии истории, не является серьезным аргументом в определении его места среди пионеров подобных исследований. Ведь тот же основоположник прагматизма Ч.С.Пирс умудрился сначала внятно изложить суть своего учения всего-навсего в двух статьях. Далее. Канта справедливо считают отцом аксиологии, хотя у него нет ни одной специальной работы по теории ценностей. 5. Вышесказанного вполне достаточно для моего притязания объявить Канта родоначальником философии истории. Ответ же на вторую часть вопроса совершенно ясен: исследований по проблеме «философия Канта – философия истории» попросту нет. Будем надеяться, что это только пока, поскольку именно в дискуссиях рождается истина.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно гражданском плане / И.Кант // Сочинения: в 6 т. – М.: Политиздат, 1966. – Т.6. – С.5–24.
2. *Кант И.* Предполагаемое начало человеческой истории / И.Кант // Трактаты и письма. – М.: Политиздат, 1980. – С.43-59.
3. *Кант И.* Рецензия на книгу И.Г.Гердера «Идеи философии истории человечества» / И.Кант // Сочинения: в 6 т. – М.: Политиздат, 1966. – Т.6. – С.37–52.

Стаття надійшла до редакції 15.01.2010 р.